

жуазной революции XVIII века, хотя в них, собственно говоря, кульминирует революционная мысль Пейна. Автор считает, что он в качестве биографа не обязан вдаваться в теоретические вопросы. К сожалению, это порождает большей части биографий, выходящих сейчас в таком громадном количестве в Америке.

Во Франции Пейн написал также свой «Век разума», представляющий формальное обоснование деизма и получивший широкую популярность как «библия для неверующих». Пейн «вывел деизм на улицу» и обошелся с пророками и святыми, как он привык обходиться с королями и прочими представителями «старого порядка». Эффект был больший, чем он ожидал. Пейна объявили антихристом не только в Англии, но и в Америке, где он, кроме того, навлек на себя недовольство, критикуя проанглийскую политику правительства Вашингтона.

По приезде в США, в 1802 году, Пейн увидел, что он больше не славный герой войны за независимость, а «предмет ужаса, отвращения, абсолютного омерзения для всякого порядочного человека», как писала федералистская пресса. Дальше газета прибавляла: «кроме президента Соединенных Штатов». Действительно, Томас Джефферсон, бывший у власти, ценил и любил Пейна, однако по внутривнутриполитическим соображениям не мог или не хотел оказать ему серьезную поддержку. Пейн жестоко нуждался и умер в одиночестве в 1807 году, с честью выдержав осаду попов, непременно желавших спасти «грешную душу Тома Пейна».

Пейн, как было показано, занимал враждебную позицию по отношению к якобинскому террору. В период якобинской диктатуры он подвергался репрессиям, что само по себе служило рекомендацией в глазах противников революции. Чем же объясняется, что контрреволюционная буржуазия в Англии и в Аме-

рике ненавидела Пейна стойко и неискоренимо, как она ненавидела только Марата?

Большую роль здесь сыграла агитация попов против «Века разума». Однако были и другие причины.

Пейн был профессиональным революционером. Он часто говорил о всемирной республике и считал своей великой задачей раздуть мировой пожар. Незнание страны и языка его не останавливало; в Конвенте он выступал с переводчиком. Пейн не имел личных интересов, не связанных с революционной деятельностью. В стране коммерсантов-янки он печатал свои знаменитые памфлеты без гонорара и даже в убыток себе. Крупную сумму, полученную им от продажи в Англии «Прав человека», он передал на нужды революционных организаций. «Торговли я не понимаю, земли не имею», — писал он Конгрессу (стр. 106).

Пейн был «уличным философом». Принципы буржуазной революции, которые он защищал, существовали для него только как принципы революционного действия. В годы войны за независимость солдатам американской революционной армии читали статьи Пейна перед боем. Он был по своему типу народным революционным писателем.

Эти черты облика Пейна, делавшие его на продолжении многих десятилетий (да и по сей день) опасным чужаком, «гнусным Томом Пейном» для буржуазных идеологов и литераторов, вызывают у нас горячую симпатию и заставляют отнестись к истории жизни Пейна с глубоким вниманием.

Книга Смита написана, без сомнения, в связи с тем интересом к революционному прошлому американского народа, который наблюдается сейчас в прогрессивной американской историографии и художественной литературе. В ряду великих людей американской буржуазной революции Пейн занимает одно из первых мест.

А. Старцев

КУРТ КЕРСТЕН — «ПОД ЗНАМЕНАМИ СВОБОДЫ». Изд. Себастьян Брандт—1938 (Kurt Kersten. «Unter Freiheitsfahnen». 1938).

В предисловии к книге исторических очерков, озаглавленной «Под знаменами свободы», известный немецкий антифашистский писатель и журналист Курт Керстен пишет:

«В этой книге речь идет о тех европейских волонтерах, которые отдали жизнь в боях за свободу, за победу прогрессивных идей, за то, чтобы уничтожить условия существования, недостойные человека».

В очерках рассказывается о людях — различных национальностей и политических убеждений, — которые принимали участие в национально-освободительных революционных войнах в разные периоды истории нового времени: начиная с войны за освобождение Нидерландов от ига феодальной Испании и кончая борьбой испанского народа в наши дни. Могилы этих людей рассеяны по всему свету,

отечеством для этих людей, нередко изгнанных из родной страны, стало отечество того народа, за свободу которого они боролись.

Очерки Керстена являются звеньями единой исторической эпопеи; интернациональных героев книги спаяло и сроднило одно стремление — осуществить общечеловеческие демократические идеалы.

Книгу Керстена открывает глава «Гезы и гугеноты»; затем следуют очерки, посвященные борьбе за независимость Америки, французской революции 1789 года (битва при Вальми), борьбе за независимость латиноамериканских республик, за независимость Греции, Италии; 1848 году в Германии и т. д.

Характерно название очерка о карлистской войне в Испании, где на стороне либералов сражались волонтеры различных национальностей: очерк называется «Интернациональная бригада в 1837 году». Последняя глава книги посвящена обороне Мадрида в 1936 году, когда героизм и дисциплина интернациональных бригад помогли сдержать первый натиск фашистских интервентов.

Керстен как бы перебрасывает мост от современности к прошлому, ищет аналогий и подчеркивает преемственность борьбы человечества за демократические идеалы.

Не случайно и то, что самый богатый материал для своих очерков Керстен черпает в истории конца XVIII и середины XIX веков. Именно об этом периоде Ленин писал как об «особой эпохе для Европы»; национально-освободительные войны были «особенно типичны для этого времени». (В. И. Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 202). Если принять как данность, что Керстен хотел рассказать в своих очерках не об истории революционного движения, но об истории революционных волонтеров в борьбе за демократию, то можно отчасти понять, но отнюдь не оправдать то, что сразу бросается в глаза при чтении книги. Парижская коммуна упоминается только в главе о Гарибальди, отдельного очерка автор ей не посвятил. Ни слова не говорится о национально-освободительной войне Китая в наши дни, и только в главе о создании Чехословацкой демократической республики и в очерке о борьбе испанского народа упоминается, правда, с несомненной симпатией, Советский Союз, наследник общечеловеческих демократических идеалов.

Книга Керстена написана в дни, когда на Западе ведущей политической мыслью является идея Народного фронта, борющегося под лозунгом демократической республики против фашистской реакции. Это, несомненно, нашло свое отражение в книге Керстена. Но, как известно, Народный фронт возглавляется пролетариатом, а именно это не отражено в очерках «Под знаменами свободы», где проле-

тариат выступает лишь как часть революционного народа, а не как его гегемон. Этой установкой Керстена, очевидно, объясняется и отсутствие очерка о Парижской коммуне. Таким образом, Керстен ограничил свою задачу, сведя ее к рассказу о буржуазно-демократических революциях. И, точнее, о роли революционного волонтера в истории. Более того. Как говорит подзаголовок книги («Немецкие волонтеры в истории») и как говорит в предисловии сам автор, он ставил себе целью показать в истинном свете деятельность отдельных передовых людей, о которых буржуазные историки либо умалчивали, либо выставляли их наемниками или искателями приключений; однако, «будучи немецким писателем», особое внимание он уделяет именно немецким волонтерам.

Интересно, что Керстен объясняет это своим желанием «установить роль немецких волонтеров в социальной и национальной борьбе, а также разбить предрассудок, нелепое предубеждение, что немцы не понимают и не сознают, какое великое, бесценное благо представляет собой свобода, — свобода мысли, слова и убеждений, свобода принимать деятельное участие в государственной и общественной жизни страны». Само собой понятно, что здесь Керстен обращается к своему западному читателю: советскому читателю хорошо известно, хотя бы из произведений немецкой антифашистской литературы, далеко не всегда доступной западному читателю, что великий немецкий народ дорожит идеалами политической свободы и борется за нее всеми доступными в условиях гитлеровской диктатуры средствами.

И автор показывает, что Германия выдвинула не только Фридриха II, но и одного из организаторов революционной американской армии, прусского офицера Штейбена; что немцы, члены «Союза коммунистов», сражались во время гражданской войны в Америке против рабовладельческого Юга; что создатели интернационального рабочего движения, Маркс и Энгельс, принимали непосредственное участие в борьбе за германскую демократическую республику в 1848 году; что за Байроном и Гарибальди шли не только отдельные немецкие волонтеры, но на их стороне было общественное мнение лучших людей Германии. Наконец, Керстен стремится доказать на примерах Людвиг Ренна, Реглера и Ганса Баймлера преемственность великой революционной демократической традиции германского народа.

Наряду с Генрихом Наваррским, Вашингтоном, Лафайетом, Штейбеном, Костюшко, Домбровским, Гервегом, Гарибальди, автор называет десятки других, менее известных, но не менее замечательных людей.

Очерки построены как рассказы, фоном для которых служит история общественного движения; материал обычно располагается вокруг фигуры какого-нибудь выдающегося общественного деятеля или художника, как, например, Гарибальди, Бомарше, Байрон. К истории этой центральной фигуры привлекаются отдельные эпизоды, факты, характеристики. Хотя в очерках иногда приводятся общеизвестные факты, но они даны в интересном сочетании и часто в новом аспекте. Все это,

а также живой литературный язык делает книгу Керстена весьма интересной. Она, несомненно, представляет ценный вклад в антифашистскую литературу. Книга Керстена показывает истоки интернационализма, показывает, что этот интернационализм продолжает жить в традициях борьбы за революционную демократию, за права угнетенного народа, в традиции справедливой, как говорил Ленин, революционной войны.

М. Надеждина

«КНИГА-КЛЮЧ» — Изд. Фор Публикэйшенс, Лондон, 1938 («Key-Book». Fore Publications, Ltd, London, 1938)

Массовое издание английской популярной и дешевой литературы — это целиком завоевание культурно-издательских групп, принадлежащих к антифашистскому фронту и «Клуба левой книги», в первую очередь. Сейчас мы отмечаем первые четыре выпуска новой массовой библиотеки, выходящей под названием «Книга-ключ». Это единообразно оформленные брошюры в 64 страницы (стоимостью в 2 пенса), посвященные актуальным вопросам политики и культуры и написанные известными английскими авторами.

Первый выпуск, «Наука и вы», написан знаменитым биологом Дж. Холдейном, выдающимся представителем английской антифашистской интеллигенции. Брошюра является образцовым опытом популяризации современного научного знания для трудящихся масс. Дело популяризации научного знания поставлено в Англии неплохо. Беда лишь в том, что некоторые видные лидеры буржуазной науки реакционны, и широкие круги читателей получают талантливую и авторитетную популяризацию физики или астрономии с обязательным «довеском» поповщины или политикобоязни. Авторитет науки используется для поддержки антинауки. Здесь ясна громадная роль передовых ученых, к которым принадлежит Холдейн. Излагая с большим блеском новейшие достижения и очередные проблемы физики, астрономии, биохимии и т. д., он занимает воинствующую позицию в отношении всяческого мракобесия. Он подчеркивает враждебность капитализма научному знанию и народному просвещению. Говоря о современном понимании строения вещества, Холдейн указывает читателю, что физические открытия последнего времени блестяще подтвердили критику «физического» идеализма, данную Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме». Он показывает связь науки и политики и отмечает успехи советской науки. Если пример Холдейна

найдет себе подражание, английская культурная жизнь будет иметь действительное противоядие от астрологов и попов, усиленно атакующих сейчас английского обывателя.

Второй выпуск библиотечки, «Англия, моя Англия», написан известным левым литератором Джеком Линдсеем. Брошюра посвящена характеристике национального чувства англичанина в связи с английской исторической традицией. Линдсей указывает, что патриотизм трудящегося человека связан с революционной традицией народа и что его национальные идеалы резко отличны от «идеалов» господствующих классов, в конечном счете своекорыстных и антинациональных. «Моя Англия» английского рабочего и «моя Англия» заводчика или члена палаты лордов — вещи несовместимые.

Линдсей утверждает далее, что современная борьба трудящихся в Англии есть национальное и патриотическое движение, имеющее корни в многовековой борьбе английского народа за свободу, против угнетателей, чужеземных и своих собственных. Он иллюстрирует это примерами из истории английского революционного движения, из крестьянских восстаний Уота Тайлора и Джона Болла¹, классовых столкновений в эпоху английской революции XVII века, выступления рабочего класса в период чартизма и более близких к нашему времени событий.

Нам кажутся уместными два критических замечания в связи с брошюрой Линдсея. Автор ярко освещает достоинства английских народных движений прошлого, но не указывает на их недостатки, исторически сложившиеся и исторически объяснимые. Между тем не только достоинства, но и недостатки новейшего

¹ Джон Болл, английский священник, руководивший крестьянским восстанием в XIV веке.